

Ирина Абрамовна Аменуэль: Письмо Сталину

Ирина Абрамовна Аменуэль родилась в Москве в 1924 году. Отчим Цзян-Зы-Ян был арестован и расстрелян в 1938. Мать Клавдия Маяцкая написала письмо Сталину с требованием справедливости, была арестована, осуждена и умерла в лагере. Ирину исключили из школы, неоднократно увольняли с работы. В 90-е гг. она активно работала в общественной организации помощи жертвам политических репрессий.

Дядя Ян

Мама моя, Маяцкая Клавдия Андреевна, была домохозяйкой, но работала она всегда машинисткой, печатала.

Мы жили с мамой на улице Воровского, дом 28, в 13 квартире. Длинный коридор. Это было общежитие такое большущее, коммунальная квартира, где жили тридцать шесть человек. Было две кухни, напротив нашей комнатки кухня была. Комнатка была 18 метров, но длиненькая такая, узенькая. И кухня большая, где было 12 столиков, а напротив нас была кухонька – 4 столика. Значит, 16 столиков было. Но длинный этот коридор, где дети мы все катались на велосипедах, на чём хотите, как на улице.

Одна из сестёр, Аля, была замужем за китайцем. И она очень хорошо жила. Китайцы очень любили русских жён. И маму посватали, познакомили с дядей Яном. Я не могу даже о нём говорить. [сдерживает слезы] Это была такая роскошь у нас жизнь, когда дядя Ян к нам поселился. Ей богу, не могу, вспоминаю эту жизнь. Он готовил, он за мамой ухаживал так, что мама была прямо королева. И все соседи наши, ведь столько соседей, говорили: «Как Клавдии Андреевне повезло! Какой у неё муж!» Когда он готовил, то весь дом сбегался от этого запаха китайской кухни, которую он всю знал. Он когда-то работал, столовую имел. Приехал из Манчжурии.

И он готовил, эти пельмени китайские были - что-то невероятное! Вкуснятина такая! И все сбегались на кухню, говорили: «Ян готовит!» И он всех, всех угощал.

А дальше начинает по Москве ездить «чёрный ворон». Это уже тридцать седьмой год. И слух идёт о том, что, сколько врагов народа. Ой-ёй-ёй! И в тридцать восьмом году между мамой и дядей Яном какие-то разговоры идут.

Что-то такое: арестовали того-то, забрали того-то, китайцев нету, в городе нету китайцев. Тогда, значит. И вдруг, арестовывают дядю Яна. Ну, мама плачет, и я плачу, а его уводят. Это при мне было. И всё. Дядю Яна забрали.

Отчаяние

Она ужасно переживала его отсутствие. Она везде ходила. Это она ходила, да. Передачи. Нам самим было есть нечего, она: «Нет, нет. Яну я понесу. Он в тюрьме. Я понесу ему».

Голодаем мы очень, маму на работу не берут, всё продаём в доме. Квартира наша становится пустой.

Ой! Ну, в общем, сорок второй год. А, хлеб. Нам дали карточки, дали карточки, и 400 грамм хлеба чёрного мы получали, ну, примерно раз в пятидневку, вот так. Не целую неделю, но сколько-то. Каждую неделю узнавали, не привезли хлеб, не будет, нет? Будет, сказали, завтра будет хлеб. Мама пошла в пять утра, чтобы занять очередь.

И вот мама вышла с этим хлебом, и какой-то проходимец отнял у неё этот хлеб. А-а-а! Она пять часов простояла за этим хлебом! Она домой пришла, она кулаками била в стену, и говорила, кричала: «Сталин ничего не знает! Это вокруг Сталина всё! Сталин ничего. Я ему напишу! Всё напишу Сталину! Я ему сама в Кремль отнесу».

Она сочиняла несколько дней. Она несколько дней, потом опять ложилась, опять думала, потом опять вставала, писала.

Она думала, что она, так сказать, что её выслушают, как надо, что с ней поговорят, как надо.

Ну, и написала письмо, вот это, Сталину. Вот это, Сталину письмо, что она написала. Она очень грамотная была.

Письмо Сталину

А.К. Ирина Абрамовна, а вот это вот письмо мамино прочитайте нам, пожалуйста. Что она написала?

И.А. Смело писала. Ой, смело писала.

Товарищ, Сталин! Вы учите говорить одну лишь правду. Вы учите критиковать, невзирая на лица, невзирая на занимаемое положение, указывать на ошибки. Вы говорите, что надо прислушиваться к голосу масс, и замечать маленьких, незаметных людей. И вот я маленькая, незаметная женщина прихожу к вам, великому Сталину, и говорю – Вы поступаете несправедливо. Вы ведь не царь, а только слуга народа, Вы депутат, выбранный народом.

Если б люди не боялись, и каждый свободно мог бы высказать свои мысли, наше правительство бы увидело, каким страшным обманом проникнуто каждое слово агитации и пропаганды. На собраниях, во всех случаях, где надо говорить.

Где надо говорить о недостатках, чтобы устранить их, а слышится только официальное «ура!» А когда глаз на глаз разговариваешь, слышится одно и то же: «Что, так ведь, если правду сказать, сейчас в тюрьму или расстрел». К царю народ шёл толпою. А к вам, товарищ Сталин, я пришла одна. А ведь таких, как я - миллионы. И все они молчат, боясь расправы.

Ну, мама, значит, Сталину письмо вот это написала. И после этого письма, она сама отнесла.

Она, уходя, сказала: «Я пошла, понесла письмо Сталину. И тебе я оставила письмо под лампочкой». Она не сказала - под лампочкой. «И тебе я оставила письмо».

Что не волнуйся за меня, если меня не выпустят, то я правильно поступаю, потому что тебе жить без меня будет проще и легче. Она имела в виду, что я с двумя книжками остаюсь на хлеб. С двумя на хлеб. Она меня очень любила.

После ареста мамы

Я несколько дней ждала, что мама явится. А потом, когда уже из школы прогнали, вот тут уже началась эта история моя.

Да, я в десятом классе училась. Пришла в школу, завуч мне открыла дверь, и говорит: «Маяцкая, выйди вон! Детей врагов народа мы не учим. Выйди вон! И к нам больше не подсовывайся!» И весь класс, между прочим, завыл: «Да, да! Враги народа! Долой! Долой!» И я на улице одна, родных никого нет, и вообще, никого возле нет, все боятся. Я думаю, пойду я к маминой хорошей приятельнице.

Я говорю: «Тётя Катя, что делать? Маму забрали». «Что, забрали маму?» А ведь дома были такие, с чёрным ходом. Она меня на чёрный ход вывела, и говорит. Она боялась даже стен, как будто стены слышат, она оглядывалась. И говорит: «Забудь к нам дорогу! Что ты! Ведь нас же тоже заберут! Ты понимаешь или нет?» Я ушла. Вышла от неё, и думаю, что же делать? Ну, пойду домой, там соседей много. Прихожу – полная кухня. И все чего-то разговаривают, разговаривают. Думаю, что они разговаривают? Увидели меня, и никого не стало, ни одного человека не стало. Что делать? Я совершенно одинокая осталась.

Я была настолько изолированная ото всех. От меня все отшатнулись и всё. Прокажённая, прокажённая.

Китайцы меня немножко спасли. Ой, китайцы хорошие люди, между прочим. Вообще, хороший народ. Дружные.

Я устроилась работать в китайскую столовую. Встретила китайца, я его имя забыла, но приятный такой молодой был. «Да что ты, Ринка, иди к нам работать. Будешь официанткой у нас».

Вот этот Мишка, который любовь моя, говорит: «Я на тебе женюсь. Я на тебе женюсь. Не плачь ты!» Приходит его мать ко мне, и говорит: «Миша мой говорит, что вы собрались жениться. Ни в коем случае!» Она села на колени передо мной, обняла меня за ноги, и говорит: «Что ты! Ты же знаешь, что он

учится на все пятёрки. Он такой!» Этот Мишка он действительно большую лепту внёс в космонавтику, большим человеком стал. Она говорит: «Ни в коем случае!» Она его заперла дома.

Замужество

И вот за этот месяц, что он сидел взаперти дома, я вижу, что за мной ходят уже. Мама на допросах видите, оказывается что, это потом я узнала, что она говорит: «Дочь моя должна быть такой, как и я тоже». И всё это такое. И за мной уже стали ходить. И я уже сейчас не помню, но какие-то люди что-то мной уже интересовались. Как-то думаю, не сегодня-завтра, ведь я тоже за мамой туда пойду.

И вот, значит: “Что ты, Иринка, за Мишку тут плачешь, - это соседка мне говорит, - пойдём в одну компанию. Там, знаешь, военные приехали. Они сгущёнки привезли столько!” И я пошла в эту. И в этой компании я увидела этого. Саша он был. Саша. Ну, разговорились, всё. Он говорит: «Так хорошо в Москве!» Я говорю: «А хотите в Москве остаться, да?» И я его это так привлекла. Думаю, мне надо срочно. Фамилия мне его понравилась – Аменуэль.

И всё. Мы с ним поговорили, поговорили, и договорились, что побежали в ЗАГС, и расписались. И я Аменуэль. И что вы думаете? От меня таки отстали. Потому что он лейтенант был с фронта.

Ну, и вот. Я бы тоже покатила, если бы я не вышла замуж срочно так. Мы разные люди были с ним, совершенно разные. Ой, какие разные!

В общем, поломала себе всю жизнь я. Она мне поломала всю жизнь.

Образование

Теперь я, значит, когда кончила юридическую школу, меня послали/ А я с девятилетней кончала, и скрыла, сказала, что родители мои умерли. Значит, послали меня в адвокатуру на Красной Пресне. И очень удачно у меня шли дела. Вот я до сих пор, мне девяносто лет скоро, я жалею, я бы адвокатом была прекрасным, честное слово даю.

Так что ещё бы немножко времени, и у меня бы было высшее юридическое образование. Я бы осталась в адвокатуре, если бы я сдуру кому-то не доверилась, что такая моя биография.

С кем-то я поделилась о своей биографии, что я, это самое, не умерли, а что я враг народа. На второй же день мне было предложено по своему собственному желанию, по болезни. У меня там есть справки. По болезни я ушла, и я опять на улице.

Что делать? Я стала шить. Шитьё мне не нравилось. Мне до сих пор не нравится, я не люблю шить. Я не люблю шить, но люблю всю эту теорию. И я поступила, опять же с враньём, в техникум швейный.

Следственное дело Клавдии Андреевны Маяцкой

Потому что только разрешили, я сразу же стала писать, и сразу же стала ходить. И дяди Яна дело. С дяди Яна делом я раньше познакомилась, а потом с маминим.

Ну, вот, значит, однажды я читаю это самое. Вот, когда я всё читала, знакомилась с её делом, то вижу, в конце каждого следователя роспись её. А здесь, смотрю, Маяцкая - что-то криво написано. И подпись не та. Что такое? Дальше написано, что врачебное заключение, что Клавдию Андреевну Маяцкую вызывать ранее, как через двадцать дней, не рекомендуется, потому что она себе в порыве возбуждения, поломала себе плечо, и вырвала себе левую ягодицу.

Ох, как я плакала тогда, помню! Я себе места не находила. Я всё представляла себе. Я себя ругала, как я её отпустила. Не надо её было, надо было держать за все фалды. Но, иди, знай, чем это кончится.

Сорок два года ей было, когда она умерла. Причём, такие условия, я знаю. Я знаю, что, то же это вычитала. Значит, она была в заключении, где вшивость была такого размера, что это было, как будто бы одежда на ней колыхается. Это снимали вместе с бельём, вместе с одеждой, и клали это в горячую воду, чтобы этих заглушить этих вшей. Вот в таких условиях она от истощения, ото всего она умерла. А написали, что она умерла от туберкулёза. Нет, от воспаления лёгких.

Страшно, что творилось в сорок втором году, когда, как раз, когда мама была там, как умирали. Такой голод, говорит, был там. И говорит, тщедушные, нервные и слабые организмы, и всё это моментально. Ну, что это, восемь месяцев прожила. Года не прожила. Письмо Сталину написала.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011